

— Тот тип и впрямь из нашей провинции? — спросил Ван Сюань. — С виду такой простой, бесхитростный, а на деле...

— Да какой настоящий, приросший к земле крестьянин покатит в такую даль торговать? — отозвался Гоудань. — Они обычно дальше своего уезда носа не казывают. А эти, что по дорогам рыщут, ушлые донельзя. Услыхали, что мы новички, и давай лапшу на уши вешать. Поди знай, свяжись мы с ними — костей бы потом не собрали.

— И то верно. Попутчики нам всё равно без надобности, да и вообще лучше держаться особняком.

Когда у тебя слишком много секретов, волей-неволей становишься скрытным. Уж лучше остаться без лишних приятелей, зато в безопасности.

К тому же само понятие «земляк» — штука растяжимая. Оказавшись за пределами родной провинции, земляком назовешь любого, кто приехал из тех же краев. Внутри самой провинции земляки — это уже люди из твоего уезда или волости. А уедешь за границу — так и вовсе весь Китай тебе в земляки запишется, будь они хоть с севера, хоть с юга, даже если у вас ни говор, ни привычки не совпадают. Так что цена этому «родству» невелика.

Вдали от дома человек всегда чувствует себя чужаком, лишенным почвы под ногами. И когда в такой момент сталкиваешься с кем-то из родных мест, невольно тянешься к нему, проникаешься доверием. Странное, обманчивое чувство.

Но Гоудань этому порыву не поддался. Во-первых, они с Ван Сюанем приехали сюда уже не в первый раз, да и ехал он не один, а с надежным спутником. Во-вторых, даже в родных краях люди встречаются разные, и хороших, и дрянных хватает. С чего вдруг решать, что встреченный на чужбине земляк окажется порядочным человеком? А ну как он спит и видит, как бы их обобрать?

Что ж, пусть их считают излишне подозрительными, но делить дорогу с новоявленными знакомцами юноши не собирались. Видимо, их нежелание было настолько очевидным, что те двое больше не заговаривали о совместных делах.

Плотный обед после долгого голода заставил их хорошенько пропотеть — так исходит застарелая слабость, уступая место приливу сил. Отринув липкую истому, парни вздохнули свободнее. Гоудань утер лоб и глянул вверх: солнце едва успело перевалить за полдень, и его лучи все еще нещадно палили землю.

— Всё-таки в нашем уездном городе улицы куда приятнее, — протянул Гоудань. — Там кругом вековые деревья, тень, прохлада... А тут посадили какие-то обрубки полулысые, ветвей почти нет, одно убожество.

Ван Сюань коснулся шершавой коры широкого ствола.

— Представь, сколько трудов стоило выкопать такую махину. И откуда их только везут? Поблизости ведь вековых лесов нет, да и порода для Южных регионов совсем нетипичная.

— Были бы деньги да спрос, — усмехнулся Гоудань, — тебе хоть с края света приволокут.

— А ведь если честно, я им немного завидую, — признался Ван Сюань.

Он имел в виду жителей Особой зоны. Здешние законы были самыми свободными в стране. Если человек не был совсем уж безнадежным лентяем, он мог без труда устроиться в жизни — да так, что позавидовало бы больше половины населения Китая.

Гоудань искоса взглянул на него. Тот лишь беззаботно зевнул в ответ:

— Пошли лучше спать. У тебя веки уже в три складки собрались.

Из-за дикого недосыпа обычно узкие веки Гоуданя припухли, покрылись мелкими морщинками и теперь казались неестественно большими.

Гоудань что-то проворчал под нос, но спорить не стал.

Задернув плотные шторы среди бела дня, они мгновенно провалились в беспамятство. Ни шаги в коридоре, ни завывания автомобильных гудков с соседней улицы не могли их потревожить. Проснулись парни лишь в сумерках, когда желудки завели голодную песню. Тело после такого затяжного сна казалось ватным, кости ломило, а в голове все еще стоял легкий туман, хоть спать больше и не хотелось.

Полежав немного, пока не унялась слабость в суставах, Гоудань рывком поднялся и потянулся. Он дернул за свисающий шнурок выключателя. Щелчок — и тусклую комнату залил резкий желтый свет. Ван Сюань, лежавший на кровати в одних трусах, зажмурился от неожиданной вспышки, зажимая глаза ладонями. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он окончательно стряхнул остатки сна и вспомнил, где находится.

— Ну и сон... — пробормотал Ван Сюань.

Судя по глухому онемению в мышцах, спали они без задних ног. Он попытался сесть, но ослабшие конечности подвели, и юноша мешком повалился обратно на подушки.

— Чего уставился? Помогии подняться, — он протянул руку Гоуданю, который уже успел пристроиться у маленького зеркала и теперь с довольным видом разглядывал свое лицо.

Тот небрежно ухватил его за запястье и одним легким рывком вздернул на ноги. Ван Сюань только рот приоткрыл от такой бесцеремонности.

— Пусти, пусти! Ну и силища, — недовольно проворчал он, потирая плечо. — Разомни лучше. Чуть сустав мне не вывернул! Я тебе не табуретка деревянная, а живой человек. Оторвешь руку — как я лечить-то буду?

— Ну так я сам за тобой ухаживать стану, — хмыкнул Гоудань.

— Сдался ты мне. У меня свои руки-ноги есть.

Гоудань послушно принялся разминать ему плечевой сустав, удивленно качая головой:

— И в кого ты такой белокожий уродился? Росли-то вместе, под одним небом ходим, а меня солнце палит нещадно, тебя же вообще не берет.

— Может, порода такая? — предположил Ван Сюань. — Матушка-то моя вечно в поле трудилась, кожа у нее была смуглая. А вот в деревне болтали, будто тот... отец мой биологический, лицом был светел да пригож. Если верить законам генетики, это мне от него досталось.

«Школьные уроки биологии явно пошли впрок — вот и повод применить знания подвернулся», — мысленно усмехнулся Ван Сюань.

— А у вас в роду все ширококостные, — продолжил он. — Ты сам вон какого роста вымахал. Да и на Сянсян посмотри: девчонка, а смуглая, словно из печи. Так что тебе, парню, сам бог велел чернеть на солнце.

— Мы с Сянсян вообще-то от разных родителей, — фыркнул Гоудань. — Она в отца с матерью пошла, при чем тут я? А я просто обгорел в детстве. Мальчишкой ведь все лето нагишом бегал, кожа-то нежная, вот и потемнела на всю жизнь. К тому же мужику смуглость только к лицу, солидности добавляет. А ты на того гада совсем не похож. Куда красивее уродился. И умнее в стократ.

— Как бы ни хотелось обратного, но лицом я, пожалуй, действительно в него пошел, — вздохнул Ван Сюань. — На маму мало похож. А если вспомнить поговорку, что племянник берет черты дяди... Ну уж нет, упаси небо выглядеть как Чэнь А-да. Но в одном ты прав: ум мне достался точно не от папаша.

В этом Ван Сюань не сомневался ни на миг. Он говорил о своем биологическом отце на удивление спокойно, без тени горечи или затаенной злобы, словно речь шла о совершенно постороннем человеке.

— А если честно... — замялся Гоудань. — Тебе никогда не хотелось его увидеть? Ну, хоть разок?

Когда они были младше, Ли Сы часто ворчал, что отец Ван Сюаня рано или поздно объявится и

заберет парня, а они лишь зря тратят силы на чужого ребенка. Маленький Гоудань тогда злился, затыкал уши и слушать ничего не желал. Но повзрослев, он понял: кровные узы — штука сложная, и человек порой невольно задумывается о своих корнях.

— Кого? — Ван Сюань, натягивавший в этот момент брюки, не сразу понял, о ком речь. Лишь секунду спустя до него дошло. — Того человека? Нет. Серьезно, ни разу. Мне на него совершенно плевать. Чистая правда.

Этот человек оставался для него не более чем безликим донором хромосом. Если уж говорить о тех, кто действительно заменил ему отца, первым на ум приходил Ли Сы. Какими бы мотивами тот ни руководствовался — принял ли он сироту искренне или уступил упрямству собственного сына, — он долгие годы кормил и растил его. Да даже Чэнь Чжэнго или учитель Лю Юань подходили на эту роль куда больше, чем далекий незнакомец.

Лицо Гоуданя просветлело.

— Верю. Знаешь, я ведь думал, что ты втайне переживаешь... Ну или злишься на него.

— В детстве мне часто шептали вслед, какой я несчастный, а его костили на чем свет стоит, обзывали предателем. Но даже тогда я ничего к нему не чувствовал. Я ведь рос только с мамой. Он меня, кажется, и на руки-то ни разу не брал — во всяком случае, я ничего такого не помню.

Если бы отец возился с ним, в памяти ребенка обязательно осталось бы хоть какое-то теплое воспоминание. К моменту смерти матери Ван Сюаню не было и пяти лет.

«Может, вся моя холодность тоже унаследована от него?» — подумал он отстраненно.

В конце концов, мужского внимания в его жизни хватало. Был Ли Сы, деливший с ним кров и хлеб, был наставник Лю Юань, направлявший его на верный путь, и даже заочный учитель — доктор Цинь. Ван Сюань не рос обделенным. А самое главное — рядом всегда был его брат Гоудань. С таким защитником ему больше никто не был нужен.

— Ох, как же есть хочется, — простонал Ван Сюань, потирая пустой желудок. — Уже так поздно. Интересно, найдем мы хоть какую-нибудь забегаловку открытой?

Поняв, что тема исчерпана, Гоудань поспешил сменить разговор. Ван Сюань лишь снисходительно хмыкнул и накинул рубаху. Он закинул за плечи сумку, шутливо вытолкал названного брата в коридор и запер дверь на ключ:

— Пойдем да проверим, чего гадать.

На улице повсюду горели фонари, а из окон невысоких домов лился уютный свет. Стоило выйти

за порог гостевого дома, как ночная прохлада приятно овеяла разгоряченные лица, унося остатки дневного зноя. Время от времени мимо с тихим шуршанием проносились автомобили, разгоняя полуночную тишину.

— Совсем не так, как у нас, — тихо заметил Гоудань.

В их родном уезде с наступлением темноты жизнь замирала. Улицы пустели, редкие тусклые фонари освещали дай бог пару метров вокруг себя, а если перегорали — их годами никто не чинил. Местные жители запирали двери, гасили керосинки и укладывались спать.

Здесь же высокие мачты уличного освещения заливали тротуары ярким белым светом. Из-за удушливой дневной жары многие горожане предпочитали выходить на прогулку именно сейчас, спасаясь от духоты в квартирах.

— Гляди-ка, там вроде торгуют чем-то вкусным? — спросил Ван Сюань спустя десять минут неспешной ходьбы.

На углу перекрестка, прямо под раскидистым фонарем, клубился легкий пар. В ярких лучах отчетливо виднелся силуэт уличной кухни, откуда тянуло аппетитным ароматом жареного масла. Присмотревшись, юноши заметили еще несколько подобных островков света и тепла вдоль улицы. Они двинулись на запах вместе с редкими прохожими. Неужто здесь и впрямь можно поужинать посреди ночи?

Оба были искренне поражены. Во время прошлых поездок они действовали по старой привычке: едва смеркалось, запирались в номере и ложились спать. Им и в голову не приходило, что ночная жизнь городов Южных регионов может бурлить так шумно и ярко.

Прохожих становилось все больше. Со всех сторон неслась быстрая, гортанная южная речь. Хоть за прошедшие дни они и нахватались от проводника Сяо Цяня нескольких местных словечек, быстрый говор толпы все равно оставался для них китайской грамотой.

Впрочем, язык сытной еды понятен без переводчика. Юноши пошли на запах и вскоре очутились посреди импровизированного ночного рынка. По обеим сторонам дороги выстроились лоточки с дымящимися жаровнями, у каждого лавочника стояло по паре колченогих бамбуковых столиков и крошечных табуретов для проголодавшихся гостей.

<http://bllate.org/book/19654/1996767>